

12+

Ден Клаудфорд

**Попаданка
по страховке**

Ден Клаудфорд

Попаданка по страховке

«Издательские решения»

Клаудфорд Д.

Попаданка по страховке / Д. Клаудфорд — «Издательские решения»,

Восемь лет Хелен Картер оценивала чужие убытки и не верила ни в чудеса, ни в совпадения: в её ремесле бывают только невыясненные обстоятельства. Но выезд на пустяковый случай — молния, дважды ударившая в антикварную лавку, — кончается падением с неба прямо на экзамен по вызову штормов. В мир, где погоду продают по подписке, магия оформляется по бланкам, а Погодная палата очень не любит лишних вопросов. Её здесь ждали.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. МАНИФЕСТИРОВАВШАЯ	6
Глава 1. Страховой случай	6
Глава 2. Опросный лист	10
Глава 3. Выгодоприобретатель	15
Глава 4. Вычитка	20
Глава 5. Подряд без клятвы	25
Глава 6. Курятник	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Попаданка по страховке

Ден Клаудфорд

© Ден Клаудфорд, 2026

Ден Клаудфорд

Попаданка по страховке
Цикл «Хелейна». Книга первая

АННОТАЦИЯ

Восемь лет Хелен Картер оценивала чужие убытки и не верила ни в проклятия, ни в совпадения: она страховой оценщик из Бруклина, а в этом ремесле чудес не бывает — бывают невыясненные обстоятельства.

Но выезд на пустяковый случай — молния, дважды ударившая в антикварную лавку, — заканчивается самым невыясненным обстоятельством в истории профессии: Хелен падает с неба прямо на экзамен по вызову штормов. В мир, где погоду продают по подписке, магия оформляется по бланкам, а Погодная палата очень не любит лишних вопросов.

Её здесь ждали. В заявке на вызов прописаны её приметы. На её жизнь оформлен анонимный полис, который вступит в силу через тридцать дней. А под морем спит древняя Буря, которая двадцать лет ищет украденные у неё перья — и уже перестала спрашивать по-хорошему.

У Хелен есть тридцать дней, счёты, здоровый цинизм и привычка не оставлять пустых граф. Против неё — казначей, считающий небо активом, и наёмник, чья молния бьёт изнутри. Рядом — хмурый дознаватель, который не верит ей ни на весту (пока), ехидная болотная ведунья, студент-расчётчик и город, которому давно пора предъявить счёт.

Потому что правду слышат — даже стихии — только когда она правильно оформлена.

Первая книга цикла «Хелейна». Ироничное фэнтези о попаданке: начинается как производственный роман о магической бюрократии — заканчивается классическим фэнтези со стихией у порога. Умная героиня, медленная романтика от вражды к доверию, никакой жести и гарантированный хэппи-энд.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. МАНИФЕСТИРОВАВШАЯ

Глава 1. Страховой случай

Есть два типа людей: те, кто верит в проклятия, и те, кто оформляет по ним отказ в выплате. Я восемь лет относилась ко второму типу и горжусь каждым из этих лет, включая последний день.

Пятница, четыре часа дня, Ред-Хук. Я стояла посреди антикварной лавки «Долан и наследники» и записывала в планшет: «Заявленная причина ущерба — удар молнии. Повторный. За неделю. При ясном небе». Ниже, в графе «комментарий оценщика», очень хотелось добавить: «Ага, конечно», — но корпоративная этика «Атлантик Мьючуал Иншуранс» подобных формулировок не одобряла.

— Мисс Картер, я вам говорю: это всё астроблябия, — мистер Долан-наследник нависал над моим плечом и дышал мятными пастилками. — Со среды гудит. Ночью. Как холодильник, только злее.

— Мистер Долан, — терпеливо сказала я, — в полисе нет опции «злобно гудящая бронза». Есть удар молнии, и по нему мне нужны точка входа разряда, точка выхода и обгоревшая проводка. Пока я вижу только оплавленную витрину и подозрительно целый счётчик.

— Потому что молния была не с улицы! Она была изнутри!

Я сделала глубокий вдох. В нашем деле это называется «клиент творчески осмысляет франшизу». Человек заявляет пожар от неисправной проводки — а по факту жарил маршмеллоу на балконе. Заявляет кражу со взломом — а по факту зять с ключами. Молния изнутри — это, конечно, было свежо. Твёрдая пятёрка за оригинальность, ноль за реалистичность.

Астроблябия, кстати, действительно выглядела скверно. Бронзовый диск размером с крышку канализационного люка, кольца оплавлены и сплавлены в один ком, а по краю шла гравировка, которую я сначала приняла за арабскую вязь, потом за декоративную бессмыслицу, а потом перестала принимать за что-либо, потому что она — я готова была поклясться — со среды на фото из дела выглядела иначе.

Я наклонилась ближе и занесла руку с телефоном, чтобы снять гравировку крупным планом.

— Я бы не трогал, — сказал Долан.

— Я и не трогаю, я фотографирую, — ответила я и, разумеется, в эту секунду коснулась диска запястьем.

Запомните, дети: восемь лет безупречной техники осмотра рушатся об один браслет часов.

Дальше было так. Запахло озоном — резко, как в серверной после короткого замыкания. Гул, про который врал — как выяснилось, не врал — Долан, поднялся от пола через подошвы и застрял где-то в зубах. Лавка мигнула, будто кто-то переключил её на резервное питание. А потом мир свернулся в трубочку — аккуратно, как я сворачиваю акты осмотра, — и меня в эту трубочку втянуло.

Последнее, что я успела подумать: «Интересно, это покрывается моей корпоративной страховкой?»

Забегая вперёд: нет.

* * *

Приземление я оценила бы на «удовлетворительно»: сверху, спиной, в мокрое. Мокрым оказался парусиновый навес, который спружинил, треснул и уронил меня на что-то среднее между сеном и чьим-то обедом.

Вокруг бушевала гроза. Не бруклинская осенняя морось, а полноценный библейский спецэффект: лиловое небо, ветер стеной, и молнии — четыре штуки одновременно — стояли вокруг площадки, как колонны, и не гасли. Просто стояли. Молнии. Колоннами.

«Причина ущерба, — автоматически заполнил внутренний бланк мой мозг, который в стрессе всегда уходит в документооборот, — форс-мажор. Категория: не предусмотрена классификатором».

А ещё вокруг были люди. Человек тридцать, полукругом, на деревянных трибунах под навесами, все в одинаковых серых мантиях с жёлтым кантом — и все смотрели на меня с выражением, которое я хорошо знала по работе. Так смотрит комиссия, когда презентация пошла не по сценарию.

Ближе всех стоял сухой старик с жезлом, из которого ещё сыпались искры, и молодой парень с совершенно белым лицом. Между ними на подставке лежала грифельная доска с какими-то расчётами.

Старик посмотрел на меня. Потом на парня. Потом снова на меня.

— Экзаменуемый Веттиш, — произнёс он голосом, от которого у меня свело школьные воспоминания, — в билете значилось: «Вызов локального шторма третьей категории». Что. Это. Такое.

— Я не знаю, мастер-экзаменатор! — пискнул парень. — Оно... она пришла с фронтом окклюзии!

Тут я обнаружила три вещи разом. Во-первых, я понимала их речь — при том, что губы у обоих двигались вразнобой со звуком, как в плохо дублированном кино. Во-вторых, у меня в ушах что-то тонко звенело, и это что-то было явно причастно к пункту первому. В-третьих, я всё ещё сжимала в руке телефон. Экран честно сообщал: «Нет сети». Спасибо, кэп.

Я поднялась, отряхнула с пиджака сено и то, что было не сеном, и сказала единственное, что говорит профессионал, упавший с неба на чужое совещание:

— Добрый день. Кто здесь ответственный за технику безопасности?

Судя по тишине, вопрос попал в цель. По моему опыту, он всегда попадает: ответственный за технику безопасности либо отсутствует — и тогда виноваты все, либо присутствует — и тогда виноват он.

Старик махнул жезлом. Молнии-колонны погасли, ветер выключился с обиженным свистом, и стало слышно, как с навесов капает. Ко мне уже спешил человечек в такой же серой мантии, но с нашивкой в виде пера — я мысленно окрестила его секретарём и, как выяснилось позже, не ошиблась. В руках у него была грифельная дощечка и нечто вроде наручника из тусклого серебра.

— Протокол триста одиннадцать, внеплановая манифестация на аттестационном полигоне, — забормотал он, деловито защёлкивая наручник на моём запястье. Звон в ушах сразу стал чище, а губы говорящих — совпадать со звуком. Переводчик, значит. Ладно, наручник-переводчик. Бывало и страннее. Нет, вру, не бывало. — Назовитесь для протокола.

— Хелен Эй Картер, — сказала я. — «Эй» — это инициал. Мидл-нейм.

Перо заскрипело по грифелю. Секретарь поднял на меня глаза:

— Хелейна... а дальше?

— Не Хелейна. Хелен. Эй. Картер.

— Так я и записал, — с достоинством сказал секретарь и развернул дощечку. На ней значилось: «Хелейна Картер, манифестировавшая». — Не волнуйтесь, исправления в протокол вносятся по заявлению установленной формы. Подача заявлений по четвергам.

Я открыла рот. Я закрыла рот. Восемь лет в страховании научили меня главному: с бюрократией не спорят на её поле. Её обыгрывают по её же правилам.

— Хорошо, — сказала я. — Тогда зафиксируйте в протоколе: заявительница Хелейна Картер требует копию акта о происшествии, список присутствовавших должностных лиц и — я обвела рукой полигон, трибуны и бледного экзаменуемого Веттиша, — материалы по источнику опасности, в зону действия которого я была вовлечена без моего согласия и без средств индивидуальной защиты.

Секретарь перестал писать.

На трибунах кто-то отчётливо хмыкнул.

Старик с жезлом — мастер-экзаменатор — подошёл ближе и рассмотрел меня уже с интересом. Вблизи было видно, что глаза у него молодые и очень нехорошие. В смысле — умные. С умными всегда сложнее.

— Манифестировавшая знакома с гильдейским регламентом? — спросил он.

— Манифестировавшая, — ответила я, — восемь лет работает с претензиями. Регламенты везде одинаковые: их пишут, чтобы было что нарушать.

— Любопытно, — сказал он и повернулся к секретарю. — Копию акта выдать. Всё равно она имеет право: вызов состоялся, объект получен.

Вот тут, признаюсь, у меня внутри что-то ёкнуло. «Объект получен» — это не та формулировка, которую хочется слышать о себе в первый рабочий день в новом мире.

— Простите, — сказала я очень ровно. — В смысле — «вызов состоялся»? Ваш студент вызывал шторм. Я — не шторм.

Мастер-экзаменатор взял у секретаря вторую дощечку — ту, что лежала у подставки, — и протянул мне. Наверху убористым почерком было выведено: «Заявка на вызов №1174. Оплачено вперёд. Особые условия — см. приложение». А ниже, в приложении, там, где у нормальных людей пишут параметры ветра и осадков, значилось:

«Женщина. Двадцать семь лет. Тёмные волосы. Из немагического мира. Разбирается в возмещении ущерба».

Я перечитала это трижды. Потом посмотрела на Веттиша — тот таращился на дощечку с таким ужасом, что стало ясно: приложение он видел впервые в жизни. Потом на мастера-экзаменатора, который наблюдал за мной, как за очень интересным страховым случаем.

— Так, — сказала я. — И кто оплатил заявку?

— А вот это, — мастер-экзаменатор улыбнулся, и мне захотелось обратно под молнии, — самый правильный вопрос за весь сегодняшний экзамен. Плательщик пожелал остаться неназванным. Внёс залог. И, между прочим, — он постучал пальцем по нижней строке, — за вас уже начислен страховой сбор. Вы застрахованы, Хелейна Картер. Вопрос только в том, — улыбка стала шире, — от чего.

Глава 2. Опросный лист

С полигона меня уводили по всем правилам конвоирования ценного, но подозрительного груза: секретарь Пимс впереди с фонарём, двое дежурных погодников по бокам и мастер-экзаменатор замыкающим. Я шла и смотрела по сторонам, потому что смотреть по сторонам — это бесплатно, а информация в моём положении была единственной валютой, которую я могла копить.

Погодная палата изнутри оказалась гибридом министерства и монастыря. Коридоры с гулкими сводами, двери с медными табличками, на которых значилось что-нибудь вроде «Отдел исходящих осадков», и всюду — бумага: стопками, кипами, в шкафах за мутным стеклом. Вдоль одной стены тянулась скамья, отполированная до блеска, — как выяснилось позже, скамья просителей, — сейчас, ночью, пустая. Под потолком плыли светильники: шары тёплого света без всяких проводов, и, когда мы проходили под ними, они чуть склонялись нам вслед, как любопытные. Я решила пока не выяснять, живые ли они. У меня был лимит на потрясения в сутки, и он был исчерпан ещё на молниях-колоннах.

В приёмной дознавательской службы меня оставили на скамье — той самой, ледяной, отполированной поколениями ожидающих, — и я наконец провела инвентаризацию.

Активы: один телефон (заряд шестьдесят один процент, сети нет и, подозреваю, не предвидится ближайшие лет триста). Один планшет для осмотров в кожаном чехле — чехол пережил падение с неба лучше меня. Часы с браслетом — виновник всего, если вдуматься: не зацепи я браслетом астролябию... Ручка. Жетон подземки. Пачка жвачки. Служебное удостоверение «Атлантик Мьючуал Иншуранс», которое здесь тянуло разве что на сувенир.

Пассивы: один чужой мир, ноль знакомых, ноль местной валюты и наручник-переводчик, оформленный, как мне уже объяснили, «во временное пользование под протокол». Даже средство связи с реальностью мне выдали в лизинг.

Итого: баланс так себе, но бывали и хуже. У одного моего клиента после урагана осталась половина яхты. Ровно половина, продольная. Ничего, судился же.

Чай мне принесли раньше, чем дознавателя, — кружку чего-то травяного, по вкусу напоминавшего компромисс между сеном и наказанием. Я успела выпить половину, когда напротив сел человек, который последующие полчаса очень старательно делал вид, что не допрашивает меня.

Звали его дознаватель Терн. Высокий, тёмный, с лицом человека, которому все врут так давно, что он уже воспринимает это как погоду. Мне такие лица знакомы: примерно такое я вижу в зеркале по понедельникам.

Начал он с анкеты, и анкета была прекрасна.

— Имя, прозвание, род занятий.

— Хелен Эй Картер. Оценщица убытков.

— Записано: Хелейна Картер, оценщица. — Он даже не поднял глаз. — Не спорьте, у секретаря уже так. Двойное имя в протоколе создаёт двойное лицо, а двойное лицо — это статья. Место постоянного обитания?

— Бруклин. Город Нью-Йорк.

— Это в каких землях?

— За краем ваших карт, — честно сказала я. — Мир без магии. У нас погода бесплатная, зато никто за неё не отвечает.

Терн поднял глаза. Посмотрел на меня так, как я, вероятно, смотрела час назад на молнии-колонны.

— Без магии, — повторил он. — И при этом с оценщиками убытков.

— Убытки, дознаватель, — сказала я, — это единственное, что существует во всех мирах без исключения. Готова спорить на этот чай.

Кажется, именно тогда — на чае — он впервые решил, что со мной можно разговаривать, а не только вести протокол. Что не помешало ему следующие полчаса очень вежливо загонять меня в угол.

— Итак, вы утверждаете, что не знали о заявке.

— Я утверждаю, что три часа назад стояла в лавке древностей в Ред-Хуке и оформляла акт по удару молнии. Потом молния оформила акт по мне. Всё, что было между нами с вашей заявкой, называется «внезапно возникшие отношения без согласия одной из сторон».

— Складно, — согласился Терн с интонацией, означавшей «неправдоподобно». — А теперь послушайте, как это выглядит отсюда. Некто оплачивает вызов с особыми условиями и вносит залог. Экзаменационный билет подменяют, чтобы вызов провёл студент — с них какой спрос. Объект прибывает, устраивает представление с регламентом, очаровывает мастера Одвина и получает статус потерпевшей вместо статуса подозреваемой. Красивая схема. Я бы восхищался, если бы не работал.

Я отхлебнула сена с наказанием и мысленно открыла новый бланк: «Претензия встречная, необоснованная. Стадия: торг».

— Хорошая версия, — признала я. — У меня по работе таких по три в неделю. Знаете, где она сыплется? Мотив. По вашей схеме я потратилась на залог, на подмену билета, на подкуп канцелярии — чтобы получить что? Скамейку, чай и суточные? Мошенник вкладывается там, где выплата больше вложений. Это закон жанра, дознаватель, он надёжнее закона тяготения: тяготение, как выяснилось сегодня, можно обойти заявкой, а жадность — никогда. Покажите мне мою выплату — и я первая подпишу вашу версию.

Терн молчал секунды три. Для дознавателя это овация.

— Ваша выплата, — сказал он наконец и положил на стол лист, — вот.

Лист был гербовый, с водяным знаком в виде облака. Я взяла его двумя руками — руки, к моей досаде, были не совсем тверды — и прочла. Потом перечитала. Есть документы, которые не становятся лучше от перечитывания.

«Страховой сбор №1174-бис. Полис на жизнь манифестировавшей Хелейны Картер. Страхователь: предъявитель. Выгодоприобретатель: скрыт по статье о тайне вклада. Вступает в силу: на тридцатый день после манифестации».

— То есть кто-то застраховал мою жизнь, — медленно сказала я, — не спросив меня, в свою пользу, и полис включится через месяц.

— Да.

— В моём мире это называется «страховой интерес без интереса застрахованного» и запрещено ровно потому, что выгодоприобретателю становится выгоден страховой случай. Мы такие схемы ловим на второй день. У вас что, можно вот так просто...

— В нашем тоже запрещено, — сказал Терн. — Поэтому сбор оформлен через предъявительский вексель, а вексель — через нотариальную палату, а нотариальная тайна у нас крепче городской стены. Законно, анонимно и очень, очень дорого.

Я положила лист на стол — аккуратно, лицом вниз, как кладут карты, которые не хочется видеть, — и несколько секунд рассматривала водяное облако, просвечивающее с изнанки. Профессиональная часть меня уже разложила документ по полочкам: срок, стороны, схема сокрытия. А непрофессиональная — та, которая три часа назад собиралась вечером заказать тайскую еду и досмотреть сериал, — непрофессиональная часть тихо спрашивала откуда-то из-под рёбер: Хелен, а ведь это про то, что тебя, возможно, убьют. Через месяц. В мире, где у тебя нет никого.

Я велела ей замолчать и подшила её в дело. Мне не привыкать: страх — это просто убыток, который ещё не наступил. С ненаступившими убытками я работаю восемь лет.

— Прекрасно. — Я отодвинула кружку. — Значит, у нас с вами тридцать дней, чтобы найти человека, которому я дороже мёртвой, чем живой.

— У нас с вами? — поднял бровь Терн.

— Дознаватель, — сказала я устало, — у вас подмена билетов внутри вашей же канцелярии, неучтённый вызов на вашем же полигоне и полис, который через месяц сделает ваш полигон местом преступления. У меня — приметы в чужой заявке и телефон, который здесь годится только вместо зеркала. Мы не нравимся друг другу, но по документам мы уже партнёры.

Терн посмотрел на меня долгим взглядом человека, пересматривающего версию. Потом собрал бумаги — ровно, лист к листу.

— Протокол триста одиннадцать, — сказал он секретарю Пимсу, который материализовался в дверях с готовностью, наводящей на мысли о подслушивании, — содержание мани-

фестивировавшей за счёт палаты до окончания дознания. Комнату, суточные, пропуск второй категории.

— И зарядку, — сказала я.

— Что?

— Ничего. Это я о своём.

* * *

Комнату мне отвели под самой крышей, в жилом крыле для младших служащих, и Пимс, провожая меня по винтовой лестнице, успел изложить весь свод местных правил общежития: завтрак в столовой с шестого удара колокола, воду греть в котельной по чётным дням, свечи казённые не более двух в декаду, «а если что понадобится сверх положенного — подавайте прошение, форма девять, рассматривается быстро, декады за две». На слове «быстро» он даже не улыбнулся. Я начинала подозревать, что чувство юмора у этого человека такое глубокое, что до дна не доныривает никто.

— Пимс, — спросила я на последнем витке лестницы, — а вы верите, что я мошенница?

Секретарь остановился. Обдумал вопрос со всей серьёзностью — я уже видела, что других режимов обдумывания у него нет.

— Я сорок лет оформляю входящие, госпожа, — сказал он наконец. — Мошенники приходят с документами получше настоящих. А у вас документов нет вовсе, зато вы спросили про технику безопасности раньше, чем про деньги. Это, — он вручил мне свечу и ключ, — статистически редкое сочетание.

И удалился, оставив меня разбираться, было ли это выражением доверия или занесением в отдельную категорию учёта.

Комната оказалась маленькой и честной: кровать, сундук, стол, подсвечник, к которому мой телефон подключаться отказался. Под скошенным потолком — окно. Я открыла ставню и долго стояла, глядя на город, который видела впервые.

Стормвельд лежал внизу россыпью тёплых огней — масляных, свечных, живых, — и над кварталами, подсвеченные снизу, висели облака. Каждое — над своим районом, ровное, ухоженное, как подстриженный газон. Между ними шли тёмные полосы ничейного неба. Город с расчерченным небом. Город, где облако — это имущество.

Дома, за краем всех здешних карт, сейчас была пятница, вечер. Мама, наверное, уже позвонила мне дважды и оставила голосовое: «Хелен, это мама, перезвони, я по голосу слышала, что ты не ешь». Дженкинс уже присматривался к моему столу. В холодильнике медленно погибал салат, купленный в понедельник с самыми честными намерениями.

Я стояла у окна чужого мира, пока не догорела казённая свеча — первая из двух положенных на декаду, — и внутренний бланк, самый последний за эти сутки, заполнился сам, без моего участия:

«Опросный лист. Вопрос: как вы сюда попали? Ответ: по чьей-то заявке. Вопрос: как вы отсюда выберетесь? Ответ: по своей описи. Иных способов заявительнице не известно».

Где-то там, за окном, в незнакомом городе незнакомомого мира жил человек, который заплатил очень дорого, чтобы я оказалась здесь. Он знал, сколько мне лет. Знал, какие у меня волосы. Знал, чем я зарабатываю.

«Разбирается в возмещении ущерба», — было написано в заявке.

Я восемь лет оценивала чужие убытки. Похоже, кто-то очень хотел, чтобы я оценила его.

Глава 3. Выгодоприобретатель

Утром выяснилось три вещи.

Первая: город назывался Сормвельд, и при дневном свете он выглядел так, будто Амстердам и средневековая ярмарка завели общего ребёнка и разрешили ему играть с погодой. Над кварталами висели аккуратные персональные облачка — как выяснилось за завтраком, по подписке: полив, тень и снег для ледников заказывались в Погодной палате ежемесячно. Я смотрела на это из окна минут десять и мысленно оформляла: «Состояние объекта: прекрасное. Риски: очевидно, все».

Вторая вещь выяснилась в столовой.

Столовая палаты занимала полуподвал с длинными столами и пахла кашей, воском и служебным долгом. К шестому удару колокола туда стянулось всё население здания, и моё появление произвело эффект, который я умею измерять профессионально: разговоры не смолкли — разговоры сменили частоту. Меня обтекали взглядами. Немолодая повариха на раздаче положила мне каши на треть больше, чем прочим, и шепнула: «Кушайте, кушайте. Это ж надо — с неба свалиться», — с интонацией, какой у нас подбадривают выживших в авиакатастрофе. Двое младших писарей за моим столом немедленно уткнулись в миски, но уши их стояли торчком, как у сеттеров. А когда я потянулась за солью, весь стол незаметно подвинул её мне — одновременно, не отрываясь от еды.

Слухи здесь, похоже, работали быстрее любой связи из моего мира. К каше прилагалась сводка: я «та самая», вызванная вместо шторма, при мне «страшная бумага» — версии расходились, полис это или приговор, — и дознание «висит надо мной, как туча». Последнее было чистой правдой и сидело через два стола, мрачно поглощая кашу.

Тогда же, за завтраком, я произвела расчёт третьей вещи: суточные манифестировавшей составляли четыре серебряных весты в день. Каша в столовой стоила полвесты, и это была казённая цена для своих. Судя по ценнику пекарни, мимо которой меня вчера конвоировали, четыре весты в городе — это была вежливая форма голодной смерти.

А третья вещь — вернее, третье лицо — ждало меня на выходе из столовой в лице мастера Одвина.

— Хелейна Картер, — сказал он без предисловий, — после позавчерашнего шторма палата получила двести сорок претензий о возмещении. Сорванные крыши, побитые градом теплицы, один унесённый ветром курятник, который, по описанию заявителя, был размером с ратушу и инкрустирован серебром. Мои люди умеют вызывать дождь, но не умеют считать убытки. Вы, по документам, умеете ровно обратное.

— Вы предлагаете мне работу.

— Я предлагаю вам жалованье оценщика, пропуск первой категории и повод перестать жить на четыре весты. Договор подпишем к вечеру, канцелярия как раз подготовит.

Внутренний бланк заполнился сам: «Предложение: подозрительно своевременное. Резолюция: спросить у второй стороны». Вторая сторона стояла в дверях столовой и мрачно изучала мастера Одвина.

— К вечеру, — сказал Терн. — Если доживёт. Мы в нотариальную палату, мастер. По векселю.

* * *

До нотариальной палаты было полчаса ходу через весь Нижний город, и эти полчаса стоили года заочного страноведения.

Мы шли сквозь утренний базар — он растекался от Средних рядов по трём улицам сразу, и торговали там всем, что я ожидала, и половиной того, чего не ожидала. Рыба — ожидала. Зелень, горшки, сукно — ожидала. Клетка со злыми синими огоньками, при виде которых торговка замахала на нас рукой: «Не подходи, казённые, они на мундиры кидаются!» — вот это нет. Лоток «Гроза для сада, четверть наряда, дёшево» — тоже нет; Терн, поймав мой взгляд, пояснил сквозь зубы: «Перекупщики. Дробят палатные наряды и продают излишки. Незаконно, но попробуй докажи». Я вертела головой, как туристка, и напоминала себе, что вообще-то расследую заговор против собственной жизни. Получалось средне: заговор заговором, а когда над рыбным рядом висит персональная тучка-морозилка и с неё свисают сосульки с ценниками, оценщик во мне требует остановиться и переписать всё в планшет.

— Вы всегда так смотрите? — не выдержал наконец Терн.

— Как?

— Как приёмщик на складе. Весь город хотите принять по описи?

— Профессиональное, — призналась я. — Новый мир — это, строго говоря, самый крупный объект осмотра в моей практике. И знаете, что я вам скажу по первым впечатлениям, дознаватель? У вас тут всё держится на том же, на чём у нас: на том, что люди верят бумагам. Просто ваши бумаги умеют в дождь.

Нотариальная палата Стормвельда стояла на границе Нижнего и Верхнего города и занимала здание, похожее на сейф, который выучился архитектуре. А внутри её обнаружилось то, что я узнала бы с закрытыми глазами по одному только звуку — по шороху очереди.

Очередь просителей начиналась от входа и тянулась вдоль стен приёмного зала: наследники с узелками бумаг, купцы с приказчиками, две монахини упразднённого культа с тяжбой о меже, старичок со свёрнутым в трубку прошением, который, судя по его виду, ходил сюда так давно, что прошение успело состариться вместе с ним. Над очередью висела доска: «Третий стол — векселя и вклады. Приём по записи. Запись — по прошению. Прощение — в четвёртый стол». У четвёртого стола очередь была отдельная.

— Полдня, — оценила я наметанным глазом. — Если повезёт.

— Позор, — ровно сказал Терн, достал свой знак дознания и пошёл вдоль очереди тем особым казённым шагом, от которого очереди расступаются сами. Мне осталось семенить сле-

дом и ловить спинами волну народной любви. У самого третьего стола старичок с прошением проводил нас взглядом и сказал беззлобно, в пространство: «Ишь. А небось как у самих сгорит — тоже без очереди побегут». Я чуть не обернулась сказать ему, что у нас уже. Что у нас, дедушка, уже горит, причём изнутри.

Нотариус третьего стола, ведавший предъявительскими векселями, был кругл, розов и непробиваем, как хорошо накачанный мяч.

— Тайна вклада, — сказал он с наслаждением. — Без решения королевского суда — ничего.

— Понимаю, — сказала я смиренно. — Тогда, будьте добры, форму сто семь.

Мяч моргнул:

— Какую форму?

— У вас наверняка есть форма запроса о состоянии векселя без раскрытия сторон. В любой системе с предъявительскими бумагами она есть, иначе держатель не может проверить, не погашена ли бумага. Мне не нужны имена. Мне нужен статус.

Нотариус посмотрел на Терна. Терн посмотрел в потолок с видом человека, который тут вообще случайно. Форма нашлась — сто девятая, но кто считает. Заполняли мы её вдвоём с нотариусом четверть часа: он диктовал мне формулировки с видом жреца, посвящающего профана, а я подсказывала ему, где в его же формулировках дыры, и к концу заполнения мяч смотрел на меня уже не непробиваемо, а задумчиво, как на коллегу из недружественного ведомства.

Ещё через четверть часа я держала выписку: вексель, обеспечивавший заявку №1174 и полис №1174-бис, был выдан двадцать лет назад. Обеспечением значился «предмет гильдейского хранения: астролябия навигационная, грозовая, инвентарный номер 88-Р».

— Ну конечно, — сказал Терн, когда мы вышли. — Восемьдесят восемь-эр. Она в розыске двадцать лет. Украдена из хранилища палаты вместе с ещё дюжиной якорей.

— Якорей?

— Якорь — это предмет, к которому можно привязать вызов. Куда упадёт молния, что притянет шторм... или кого. — Он покосился на меня. — Ваша лавка древностей. Опишите ту астролябию ещё раз.

Я описала. Бронзовый диск, оплавленные кольца, гравировка, которая меняется между фотографиями. И гудит. Как холодильник, только злее.

— Она, — сказал Терн почти с нежностью. — Двадцать лет назад кто-то украл якорь, спрятал его в немагическом мире — лучший тайник из возможных, туда никакой розыск не дотянется. А теперь этим якорем выудили вас. Прицельно. По приметам.

— Осталось выяснить, кому двадцать лет назад понадобилось прятать якорь, а сейчас — страховой оценщик из Бруклина. — Я загнула палец. — И кто подменил билет вашему студенту. Кстати, кто у вас запечатывает билеты?

— Канцелярия палаты. Лично старший архивариус Мольд. — Терн уже разворачивался. — Который сегодня не вышел на службу.

* * *

Дом архивариуса Мольда стоял в тихом переулке за рыбным рынком — из тех переулков, где соседи знают друг о друге всё и гордятся этим. Соседи и сейчас были при деле: у крайнего крыльца сбились в кучку три женщины с ведрами, поодаль топтался сторож рынка, и все они смотрели в один конец переулка. Туда, где уже с угла было понятно, что мы опоздали.

Пахло грозой и гарью — озоном поверх пепла, как будто здесь не горело, а разрядилось. Стёкла были целы. Дверь была цела. А за целыми стёклами всё было чёрное.

— Ночью полыхнуло, — торопливо доложила нам старшая из соседок, признав в Терне казённого человека. — Только, господин хороший, чудно полыхнуло: ни дыма, ни крику. Свет белый в окнах встал — ровно день, я аж проснулась, — постоял и погас. Мы уж утром глядим — а там... — она перекрестилась на упразднённый манер, обеими руками. — А старика-то самого никто и не видал со вчера. Уж такой человек тихий был, обходительный, сорок лет мимо ходил, завсегда поклонится...

— Выгорело изнутри, — сказал Терн тихо, когда мы остановились у целых окон с чёрной изнанкой. Он тронул стену ладонью. — Камень холодный. Знаете, как это называется?

— Пока нет. Но уже коллекционирую.

Самого Мольда в доме не оказалось — ни живого, ни какого-либо ещё, и я предпочитала пока считать это хорошей новостью. Внутри всё было ровным углём: мебель, полки, сорок лет чьей-то жизни — один слой чёрного, хрупкого, готового осыпаться от взгляда. Обгоревшее бюро в кабинете осыпалось от прикосновения. И только посреди этого угольного натюрморта, на столешнице, лежал совершенно нетронутый конверт — белый до неприличия, будто его положили после пожара. А может, и положили.

На конверте стояло: «Хелейне Картер, лично в руки».

— Не трогайте, — сказал Терн.

— Разумеется, — сказала я, уже держа конверт. В моё оправдание: восемь лет осмотров, рефлексy. Внутри был один лист, одна строка, ровный почерк:

«Не подписывайте ничего, что предложит вам палата. Особенно договор. Ваш страхователь».

Я стояла посреди сгоревшего кабинета, держала письмо от человека, который застраховал мою жизнь в свою пользу, и думала о том, что к вечеру меня ждёт мастер Одвин. С договором. С жалованьем. С пропуском первой категории.

«Конфликт интересов, — уныло оформил внутренний бланк. — Стороны: все. Пострадавшие: предположительно я».

Глава 4. Вычитка

Обратно в палату мы возвращались молча. Терн переваривал сгоревший изнутри дом, я — письмо от собственного страхователя. Письмо, кстати, у меня отобрали. «Вещественное доказательство, — сказал Терн, упаковывая конверт в вощёную бумагу с ловкостью человека, который проделывает это чаще, чем завязывает шнурки. — Приобщается к делу». Я не спорила. Я даже похвалила процедуру. В моей практике клиенты, которые прячут документы от следствия, заканчивают одинаково плохо, а я планировала закончить хорошо — желательно дома, в Бруклине, с чашкой нормального кофе.

Хотя насчёт «дома» уверенности с каждым часом становилось меньше.

— О чём думаете? — спросил Терн, когда впереди показались шпили Погодной палаты. Над шпилями, как приклеенное, висело идеально круглое облако. Служебное, надо полагать.

— О том, что у меня сегодня к вечеру назначено подписание договора, — сказала я. — А час назад неизвестный доброжелатель, который сжигает дома, не разбивая окон, посоветовал мне этого не делать. И знаете, что меня смущает?

— Что советчик, возможно, преступник?

— Нет. Что совет бесплатный. — Я поправила наручник-переводчик, который начинал натирать. — Восемь лет практики, дознаватель: бесплатных советов не бывает. Бывают вложения в будущую благодарность. Кто-то очень хочет, чтобы через месяц я была ему благодарна.

Терн покосился на меня с выражением, которое я уже научилась читать. Оно означало: «Версия рабочая, но вслух я этого не признаю».

— И что будете делать с договором?

— То, что делаю с любым документом, который мне очень настойчиво предлагают подписать быстро. — Я улыбнулась. — Читать медленно.

* * *

Мастер Одвин ждал меня в кабинете, который выглядел так, будто в нём двести лет подряд проигрывали войну с бумагами и наконец заключили почётную капитуляцию. Стеллажи стояли вдоль стен сомкнутым строем, на столе высились три кургана из папок, а между ними, как парламентёр, лежал он. Договор. Толстый, солидный, перевязанный жёлтой лентой с сургучной печатью.

— Канцелярия подготовила стандартную форму, — сказал Одвин. — Жалованье оценщика, довольствие, пропуск первой категории. Подпишите здесь и здесь, кровь не требуется, это предрассудок.

— Приятно слышать. — Я взяла договор и взвесила его в руке. Страниц шестьдесят, не меньше. — Я его забираю.

— Куда? — впервые за наше знакомство Одвин выглядел озадаченным.

— На вычитку. Вернём завтра с замечаниями.

— С... замечаниями.

— Мастер Одвин, — сказала я терпеливо, — вы когда-нибудь подписывали документ на шестидесяти страницах, не читая?

— Разумеется, — сказал он. — Все подписывают. Форма-то стандартная. Её ещё при моём предшественнике...

— Вот. — Я подняла палец. — «Все подписывают» и «форма стандартная» — это два из трёх волшебных заклинаний моей профессии. Услышав их, я обязана насторожиться.

— А третье? — с интересом спросил Одвин.

— «Это чистая формальность». Если завтра кто-нибудь скажет мне про этот договор, что это чистая формальность, я его не подпишу вообще.

Одвин посмотрел на меня долгим взглядом. В его глазах — умных и нехороших, как я уже отмечала, — что-то медленно происходило. Так выглядит человек, который двадцать лет ждал трамвая, и вот вдалеке что-то показалось.

— Знаете, Хелейна Картер, — сказал он наконец, — за сорок лет службы я впервые вижу, чтобы договор палаты попросили на вычитку. Берите. Завтра к полудню жду с замечаниями. — Он помолчал и добавил с непонятным удовольствием: — Очень жду.

* * *

До вечера оставалось часа четыре, и я решила потратить их с пользой: посмотреть, наконец, на город, в котором мне предстояло провести минимум месяц. Или всю жизнь. Нет, об этом варианте мы пока не думаем, он не прошёл предварительное согласование.

Стормвельд при вечернем солнце был хорош до неприличия. Улицы шли уступами вниз, к гавани, и над каждым кварталом висела своя погода. Над богатыми особняками у Верхнего кольца — лёгкая кружевная облачность, дозированное солнце, ни ветерка. Над ремесленными кварталами — честная синева с редкими рабочими тучками, которые по расписанию поливали огороды. А над портом клубилось что-то серое и мятое: как объяснил встречный мальчишка-посыльный, портовые на погоду скидывались в складчину и брали самый дешёвый тариф, «какая останется».

Погода по подписке. Небо, нарезанное на тарифные планы. Мой внутренний бланк открылся сам собой: «Осмотр территории. Общее состояние: процветание. Примечание оценщика: если у неба есть преysкурaнт, значит, у неба есть и должники».

На рынке у Средних рядов я провела ревизию своих финансов. Ревизия заняла четыре секунды — по секунде на весту. Лепёшка с сыром стоила полвесты, миска похлёбки в харчевне — весту, комната на постоялом дворе — три весты за ночь. Иными словами, моих суточных

хватало на то, чтобы есть или спать, но не одновременно. Хорошо, что комнату мне давала палата: бюрократия, как всегда, сначала загоняет тебя в нищету, а потом великодушно спасает от неё же.

Я купила лепёшку — надо было наконец поесть что-то, не выданное под протокол, — и села на парапет фонтана. Фонтан, кстати, не бил: на бронзовой табличке значилось «Приостановлено за неуплату. Гильдия водных работ». Я почувствовала к этому городу что-то вроде нежности. Другой мир, магия, эльфов, правда, пока не видела — а неплательщиков отключают точно так же, как у нас.

Рядом со мной на парапет присела женщина средних лет с корзиной мокрого белья и лицом человека, которому есть что сказать мирозданию.

— Опять на Ткацкой полило без объявления, — сообщила она мне, как старой знакомой. — Третий раз за декаду! А в подписке что писано? «Осадки по расписанию, вывешенному на приходской доске». А на доске что? А на доске дождь на завтра! Я бельё, между прочим, по расписанию вешала!

— Сохраните расписание с доски, — сказала я машинально. — Снимите копию при свидетелях, лучше с приходским писарем. Бельё не перестирывайте до осмотра, ущерб фиксируется в текущем состоянии. И подавайте не жалобу, а претензию по несоответствию услуги описанию — по жалобам у них сроки «по возможности», а по претензиям регламентные, десять дней.

Женщина замолчала и посмотрела на меня так, как, наверное, в этом мире смотрят на говорящих лягушек.

— А ты откуда такая грамотная?

— Из Бруклина, — честно сказала я.

— Это где ж такое?

— Далеко. За морем. У нас все такие.

— Свезло ж людям, — с чувством сказала женщина, подхватила корзину и отбыла — судя по решительности походки, напрямик за приходским писарем.

Я доела лепёшку и подумала, что только что, кажется, дала первую в этом мире бесплатную юридическую консультацию. Бесплатную. Ну да, ну да. Сама же час назад говорила Терну: бесплатных советов не бывает, бывают вложения в будущую благодарность. Будем считать, я открыла инвестиционный счёт.

* * *

Вечером, запершись в своей комнате под крышей, я разложила договор на кровати, придавила углы сапогами — окно пришлось открыть, подписное облако палаты к ночи нагоняло духоту — и приступила.

Читать чужие договоры — это как есть рыбу: удовольствие сомнительное, но если делать это внимательно, не подавишься. Первые страниц десять шли предсказуемо: стороны, определения, предмет. Язык у местной канцелярии был роскошный, выдержанный, как уксус: «Оценщик, поступая под сень Палаты, приемлет её устав всею своею волей, не деля оной». Я делала пометки грифелем на полях — Пимс выдал мне грифель со словами «только, умоляю, не чернилами, форма не для чернил».

Страница восемнадцатая: жалованье. Тридцать вест в день, довольствие, наградные «по усмотрению». Усмотрение — моё любимое слово в чужих договорах. Оно означает «никогда», но звучит как «возможно».

Страница двадцать девятая: рабочее время. «Оценщик прибывает по вызову Палаты во всякий час дня и ночи, в любую погоду, каковую Палата сочтёт нужным учинить». Прелестно. Они даже не скрывали, что погода на месте осмотра будет такой, какой её сочтут нужным учинить. Пометка на полях: «уточнить: кто оплачивает зонт».

Страница сорок первая, и вот тут я перестала улыбаться.

Пункт сорок четыре. Спрятан он был грамотно — в разделе «О сохранении тайны ремесла», между запретом разглашать расценки и запретом выносить бланки за пределы палаты. Три строчки, канцелярский шёлк, ни одного громкого слова:

«Оценщик, приемля устав, отчуждает в пользу Палаты право свидетельства во всяком разбирательстве, где Палата является стороной, и признаёт всякое своё суждение о делах Палаты собственностью Палаты, каковая одна вольна давать ему ход либо не давать».

Я перечитала это трижды, как в своё время полис на собственную жизнь. Потом ещё раз, медленно, водя пальцем.

Отчуждает право свидетельства. Всякое суждение — собственность палаты.

Переводя с канцелярского на человеческий: подписав это, я не смогу выступить против палаты ни в одном суде. Никогда. Моё профессиональное мнение будет принадлежать не мне — им. Захотят — дадут ему ход. Не захотят — оно ляжет в архив, к документам Штормового года, или что у них там лежит в архиве короны под визой отца Терна.

«Не подписывайте ничего, что предложит вам палата. Особенно договор».

Я села на кровать между страницами. За окном над городом висели чужие созвездия и арендованные облака.

Значит, так. Некто анонимный, назвавшийся моим страхователем, знал содержание договора раньше меня. Некто заплатил двадцать лет назад векселем за мой перенос. Некто пишет письма, которые не горят в сгоревших изнутри домах. И этот некто предупреждает меня ровно о том пункте, который делает свидетеля... не свидетелем.

Свидетеля чего?

Восемь лет работы с мошенничеством учат простому правилу: если тебя старательно лишают возможности говорить — значит, предполагается, что тебе будет что сказать.

Я взяла грифель и на полях против пункта сорок четыре написала первое замечание к договору. Замечание было коротким и непечатным, поэтому ниже я добавила редакцию для протокола: «Пункт исключить полностью. Не обсуждается».

А потом меня зацепила мелочь. Мелочи — моя профессия.

Шрифт.

Весь договор был писан одной рукой — ровным писарским полууставом, чуть выцветшим: типовую форму явно размножали давно и помногу. А пункт сорок четыре — той же рукой, тем же почерком... но чернила были свежее. Едва заметно, на полтона. Так выглядит страховой полис, в который агент «аккуратно» вписал исключение уже после того, как клиент прочитал черновик. Я видела таких полисов десятки. Я прикладывала их к искам.

Внизу последней страницы, как положено, стояла отметка канцелярии о редакции документа. Я поднесла свечу.

«Форма пересмотрена и одобрена правлением Палаты. Дата пересмотра...»

Дата пересмотра была четырёхдневной давности.

Я аккуратно поставила свечу, легла поверх договора и уставилась в потолок. Четыре дня назад я стояла в лавке мистера Долана и не подозревала о существовании Стормвельда, Погодной палаты и пункта сорок четыре. Четыре дня назад здесь ещё не было никакой Хелейны Картер.

Но кто-то уже правил под неё договор.

Глава 5. Подряд без клятвы

Ночь я провела продуктивно: спала часа четыре, а остальное время писала. К рассвету на обороте семи испорченных бланков — Пимс, прости — лежал документ, который я скромно озаглавила «Договор разового подряда на производство оценки, без поступления под сень, присяги и отчуждения чего бы то ни было».

Получилось полторы страницы. Я перечитала и удовлетворённо кивнула. В моём мире за полторы страницы вместо шестидесяти юристов увольняют. Именно поэтому я не юрист, а оценщик: мне платят за то, чтобы было понятно, а не за то, чтобы было длинно.

К полудню я вошла в кабинет Одвина. Кроме хозяина, там обнаружился незнакомый господин — узкий, серый и застёгнутый на все крючки, с лицом, на котором природа сэкономила всё, кроме подбородка. Подбородков было полтора.

— Мэтр Хеммель, правовед палаты, — представил Одвин. — Мне показалось разумным пригласить его, раз уж у нас сегодня... замечания.

— Замечание одно, — сказала я и положила на стол их договор, раскрытый на странице сорок один. — Вот это. Пункт исключить.

Хеммель взял документ двумя пальцами, прочитал, и полтора подбородка сложились в скорбную гармошку.

— Исключить пункт устава невозможно, — сообщил он с удовольствием, с каким люди его породы произносят слово «невозможно». — Форма едина для всех служащих. Одобрена правлением.

— Прекрасно. Тогда я не буду служащей. — Я положила рядом свои полторы страницы. — Разовый подряд. Палата заказывает, я оцениваю, палата платит по акту. Присяги нет, сени нет, моё мнение остаётся моим.

Хеммель прочитал. Потом перечитал. Потом посмотрел на меня так, будто я предложила ему станцевать на алтаре.

— Палата не заключает подрядов с частными лицами на производство оценки. Оценка есть таинство палаты...

— Палата, — перебила я, — заключает подряды с частными лицами постоянно. Вчера я видела во дворе шесть телег с сеном для служебных пегасов... простите, силфов. Возчики приносили присягу? Отчуждали право свидетельства? Или просто привезли сено и получили деньги по накладной?

— Сено, — сказал Хеммель с ледяным достоинством, — не есть таинство.

— Согласна. Сено честнее. — Я вытащила из его же договора страницу с перечнем допустимых расходов. — Раздел девятый, «О наёмных работах»: палата вправе нанимать сторонних лиц для работ, требующих особых умений, буде таковых умений в палате не имеется. Подпись,

печать, одобрено правлением. Мэтр, у вас в палате имеются умения считать убытки? Двести сорок претензий лежат с прошлой декады, я видела стопку. Если имеются — зовите вашего человека, и я с извинениями откланяюсь.

Повисла пауза. Одвин смотрел в окно с видом человека, который очень старается не улыбаться, и у него не получается примерно наполовину.

— Прецедент, — наконец выдавил Хеммель, — сомнителен. Оценка суть суждение, а суждение...

— ...есть собственность палаты, я читала. Поэтому и подряд. Моё суждение палата покупает поштучно, по акту, как сено. Не хотите — не покупайте. Другие купят: у города, как я понимаю, тоже бывают убытки.

Это был блеф ровно наполовину: никакие «другие» меня пока не знали. Но Хеммель этого не знал тоже, а в переговорах выигрывает не тот, кто знает больше, а тот, у кого лицо спокойнее. Моё лицо восемь лет тренировали люди, которые при мне плакали, кричали и предлагали взятки — иногда одновременно.

— Мастер Одвин, — Хеммель повернулся к начальству с видом «я умываю руки, но сначала занесу это в протокол», — палата не может...

— Палата может, — мягко сказал Одвин, не отворачиваясь от окна. — Палата, мэтр, может гораздо больше, чем ей кажется. Составьте подряд по форме девятого раздела. Жалование... — он наконец повернулся, и в глазах у него плясало что-то весёлое и опасное, — тридцать вест в день. И, полагаю, стоит добавить поощрение. Скажем, пять сотых от всякой выплаты, которой оценка уберёжёт палату. Для сторонних лиц — обычное дело. Как за сено.

Я мысленно присвистнула. Пять процентов от предотвращённых выплат — это, во-первых, деньги. А во-вторых — и Одвин не мог этого не понимать — это официальная бумага, в которой палата признаёт: оценщик ей выгоден. Такую бумагу очень неудобно потом рвать.

— По рукам, — сказала я. — Только уберите «как за сено» из мотивировочной части.

— Ни в коем случае, — сказал Одвин. — Это лучшая мотивировочная часть за всю мою службу.

* * *

Через час я сидела за собственным столом. Стол стоял в углу общей канцелярии, у окна, был хром на одну ножку и, судя по слою пыли, последние лет пять служил подставкой для фикуса — фикус, потеснённый мною, теперь смотрел с подоконника с немим укором. Зато на столе лежала стопка претензий высотой с фикус, а рядом — выданная под расписку грифельная доска, счёты с костяшками из мутного янтаря и стакан грифелей.

— Начните с простых, — посоветовал Пимс, водружая рядом вторую стопку. — Простые — это где заявитель врёт очевидно. Сложные — это где заявитель врёт неочевидно.

— А где не врут?

Пимс задумался.

— Такие тоже иногда попадают, — признал он с лёгким сожалением, как коллекционер, у которого спросили про экземпляр, отсутствующий в коллекции.

Первой сверху лежала претензия вдовы Тарпи с Сырной улицы: «В день свадьбы дочери заказанное безоблачие не состоялось, напротив, состоялся ливень, чем причинён ущерб платью, настроению и репутации семьи, а также сорван запуск голубей, каковые голуби намokли и летать отказались». Сумма ущерба заявлялась такая, будто голуби были золотые и летать отказались навсегда.

Я подняла журнал погодных нарядов — Пимс, благослови его небо, притащил и его. В день свадьбы над Сырной улицей действительно значилось «безоблачие, наряд оплачен». А строкой ниже, тем же числом, — «внеплановый полив, Ткацкая улица, перенесён с Сырной по ходатайству».

По ходатайству. Кого?

Подпись под ходатайством стояла размашистая: «Тарпи».

Я сходила к Пимсу, уточнила адресную книгу и вернулась к столу с чувством глубокого удовлетворения. Ходатайство подал деверь вдовы, Тарпи-старший, зеленщик с Ткацкой, — у него в тот день пересыхала капуста. Семейное дело: один Тарпи перекинул дождик на свою капусту, намочив свадьбу другого Тарпи, и теперь вся семья дружно взыскивала ущерб с палаты.

«Претензия №1, — вывела я на доске первый в этом мире акт. — Причина ущерба: не аномалия, а деверь. Рекомендация: отказать. Взыскание ущерба потерпевшей стороне производить внутри семьи Тарпи, за праздничным столом, традиционным способом».

Последнюю фразу я стёрла — профессионализм, Хелен, профессионализм, — но настроение она мне подняла на весь день.

Дальше пошло веселее. Тепличник с Верхнего кольца заявлял град «величиной с гусиное яйцо», побивший стёкла редкостной оранжереи. В приложенной описи значились осколки, собранные «со всей тщательностью». Я вчиталась: осколки заявитель собрал снаружи теплицы. Град, стало быть, у него бил изнутри наружу. Уникальное природное явление, второе за неделю — после молнии изнутри. Только та была настоящей, а этот граду явно помогал молотком: не сошёлся с гильдией стекольщиков в цене за замену и решил обновить остекление за счёт палаты.

Третьим лежал забор. Забор, согласно претензии, «был подхвачен вихрем и перенесён на четыре шага к северу, отчего огород заявителя умалился, а огород соседа его прирос». Я отложила забор в стопку «выездных»: вихри, конечно, разные бывают, но вихрь, аккуратно переставляющий забор со вкапыванием столбов, — это, по моей классификации, вихрь с лопатой и мотивом.

К вечеру доска была исписана с двух сторон, счёты щёлкали, как кастаньеты, а стопка «отказать, с обоснованием» уверенно обгоняла стопку «выплатить». Канцелярия, поначалу смотревшая на меня, как на диковинного зверя, к концу дня начала подходить. Сначала за справками. Потом с вопросами. Потом молодой писарь — имени его я с первого раза не запомнила, а переспрашивать было уже неловко — принёс мне кружку чая из сена с наказанием и остался посмотреть, как я считаю на счётах «в обратную сторону».

— А чему тут удивляться, — сказала я. — Это называется «проверка встречным счётом». Заявленный ущерб минус то, что подтверждено документами, минус то, что противоречит физике... природе вещей. Что осталось — то и есть цена вранья.

— И большая выходит цена? — заинтересованно спросил писарь.

Я посмотрела на дневной итог. По девяти разобранным претензиям заявлено было четыре тысячи вест с хвостиком; подтверждалось — от силы девятьсот.

— Три четверти, — сказала я. — Обычная доля. Люди везде одинаковые: ущерб помнят щедро, а расписки хранят скупно.

— Три четверти! — писарь ушёл потрясённый, и я слышала, как в дальнем углу канцелярии он пересказывает это остальным с интонацией пророка, вернувшегося с горы.

Пять сотых от предотвращённого, кстати, складывались при таком раскладе в сумму, о которой я предпочитала пока не думать, чтобы не сглазить. Но счёты — счёты уже подумали. Счёты у меня всегда были быстрее суеверий.

* * *

Терн явился под конец дня — возник у стола беззвучно, по своей дознавательской привычке, и некоторое время читал мою доску через плечо. Я не обернулась. Пусть не думает, что его беззвучность на кого-то действует.

— Деверь, — сказал он наконец с непонятной интонацией.

— Деверь, — подтвердила я. — А у вас?

— А у меня хуже. Мольда нет ни в городе, ни в пригородах. Лодочники его не перевозили, заставы не пропускали. Старик либо очень хорошо прячется, либо...

— Либо его спрятали. — Я отложила грифель. — Вексель?

— Тупик. Нотариальная палата встала намертво: тайна вклада, ждите решения суда. Ходатайство я подал, но суд у нас... — Терн сделал неопределённый жест, обозначавший, видимо, скорость местного правосудия, — суд у нас основательный.

— То есть небыстрый.

— То есть очень основательный.

Он присел на край моего стола — фикус закачался, — и понизил голос:

— Есть и третье. Я поднял вчерашний протокол осмотра дома Мольда. Пожар изнутри, стены холодные — так вот, наши старики в палате говорят, что уже видели такое. Давно. Больше двадцати лет назад была серия — три или четыре случая, все по одному почерку: выгорает изнутри, окна целы, тел не находят. Дела не сохранились.

— Дайте угадаю. Изъяты в архив короны.

— Нет. — Терн посмотрел на меня, и взгляд у него был нехороший. — Сгорели. При пожаре в старом архиве. Изнутри.

Мы помолчали. В канцелярии щёлкали чужие счёты, скрипели перья, пахло сургучом и чуть-чуть — сеном с наказанием.

— Знаете, дознаватель, — сказала я, — в моей практике было дело: склад, который горел четыре раза за шесть лет. Четыре разные страховые компании. Знаете, что было общего у всех четырёх пожаров?

— Что?

— Опись имущества, составленная накануне. Свежая, подробная, заверенная. — Я побарабанила пальцами по доске. — Перед тем, как что-то сжечь, аккуратный человек всегда проверяет, что именно он сжигает. Если у вас двадцать лет назад горели дома — поищите, кто накануне интересовался их содержимым. Запросы, описи, визиты. Бумага о бумаге живёт дольше, чем бумага.

Терн смотрел на меня секунды три. Потом молча снялся со стола и пошёл к выходу — тем самым шагом, каким он ходил, когда у него появлялась мысль и он не хотел, чтобы мысль заметили посторонние.

— Не за что! — крикнула я вслед.

Он не обернулся, но спина у него была какая-то... благодарная. Ну, мне так показалось. В конце концов, я оценщик, а не дознаватель — могу позволить себе оптимистичные допущения.

* * *

Я уже собирала со стола грифели, когда подошёл Пимс. Вид у него был торжественный и слегка виноватый — сочетание, которое у секретарей всего мироздания означает: «Есть ещё одно дельце».

— Завтра выездной день, — сообщил он. — Мастер Одвин распорядился: раз уж у палаты теперь есть оценщик, пусть оценщик посмотрит... это. — Он положил передо мной претензию, разгладил её ладонью и отступил на шаг, как от заряженного арбалета.

Я начала читать и на втором абзаце поняла, почему отступил.

Фермер Пиб, хутор Косогорье, взыскивал с палаты за курятник, унесённый позавчерашним штормом. Курятник, согласно претензии, был «в два этажа, о сорока восьми породных несушках, крыт железом, а по углам и коньку отделан серебром чистойковки, ибо предки заявителя серебром отгоняли куриного мора духа». Далее прилагался расчёт стоимости, при виде которого мои счёты крякнули бы и попросили выходной: за такие деньги в Стормвельде можно было купить дом. Хороший. В Верхнем кольце. Возможно, вместе с подпиской на солнце.

— Пимс, — сказала я, — а какой высоты, по-вашему, была ратуша в Косогорье, если бы в Косогорье была ратуша?

— В Косогорье нет ратуши.

— Вот и курятника такого там нет. Но съездить придётся. — Я сложила претензию и сунула в сумку... то есть в выданную мне холщовую папку с тесёмками. — Заявитель, который врёт с таким размахом, — это, конечно, обычное дело. Но заявитель, который врёт с таким размахом про хутор, над которым позавчера действительно прошёл незапланированный шторм, вызванный заявкой с моими приметами, — это уже не претензия, Пимс. Это приглашение.

Пимс поморгал.

— Мастер Одвин сказал почти то же самое, — признался он. — Только короче.

— Что именно?

— «Пусть съездит. Совпадений не бывает».

Глава 6. Курятник

Выездной транспорт палаты оказался двуколкой — рессорной, казённой, с гербом в виде облака над скрещёнными молниями и с характером норовистой бухгалтерии: скрипела она строго на каждой третьей кочке, будто ставила визы. Правил Терн. Дознаватель, как выяснилось, напросился сам, и мотивировку выбрал восхитительную: «Ваш курятник стоит на моём шторме».

— То есть официально вы охраняете вещественную обстановку, — уточнила я, когда город остался позади и дорога пошла между мокрых после позавчерашнего буйства полей.

— Официально я сопровождаю стороннего подрядчика палаты в местность с неустановленной угрозой, — сказал Терн. — У нас и форма для этого есть.

— Дайте угадаю: сто двадцать какая-нибудь.

— Сто восемнадцатая. — Он покосился на меня. — Вы начинаете разбираться.

— Я начинаю привыкать, — вздохнула я. — Это хуже.

Дорога до Косогорья занимала полдня, и первый час мы честно молчали. Молчать с Терном было на удивление удобно — редкое качество в мужчине и бесценное в попутчике. Потом полил дождь — короткий, деловитый, по расписанию: над полями как раз проходила поливная гряда. Терн, не глядя, вытащил из-под облучка вощёный плащ и протянул мне. Плащ был один.

— А вы?

— А я дознаватель, — сказал он с такой скучной интонацией, что стало ясно: это у него вместо «мне не привыкать», «не сахарный» и прочих мужских глупостей сразу.

Я накинула плащ и решила, что молчание себя исчерпало.

— Расскажите про шторм, — попросила я. — Не про мой. Про тот. Двадцать лет назад.

Спина Терна не изменилась, но вожжи в руках шевельнулись — лошадь недоумённо прянула ухом.

— Вам зачем?

— Затем, что все ниточки, за которые я дёргаю, уходят в один клубок двадцатилетней давности. Вексель — двадцать лет. Кража якорей — двадцать лет. Пожары изнутри — двадцать с лишним. Я оценщик, Терн: когда все убытки указывают на одну дату, я хочу знать, что было в эту дату.

Он молчал так долго, что я успела досчитать до тридцати и решить, что переборщила.

— Мне было одиннадцать, — сказал он наконец. — Я мало что помню сам, больше по рассказам. Гавенрок был портом-соперником: наш Стормвельд держал северную торговлю,

они — западную. Осенью пришёл шторм. Не наряд, не подписной — дикий, так тогда объявили. Трое суток. Порт смыло вместе с молами, склады, нижний город... Погодная палата дала заключение: естественная аномалия, вызовов не зафиксировано. А раз аномалия — договоры страхования недействительны, там у всех стоял пункт про «дикую погоду». Гавенрок не получил ни весты. Кто мог — разъехался. Кто не мог...

Он не договорил. Дождь кончился, как отрезало — мы выехали из-под поливной гряды.

— А дознание? — спросила я тихо.

— Было дознание. — Голос у Терна стал ровный-ровный, как его любимые протоколы. — Проверяли, не было ли вызова. Не нашли. Дело закрыли за отсутствием состава.

— Кто вёл?

Пауза была короткой, но я её слышала. В моей профессии паузы — тоже документы.

— Хороший дознаватель вёл, — сказал Терн. — Лучший в палате.

И по тому, как он это сказал, я поняла две вещи. Первое: он знал, чью визу я видела на изъятии архива, — знал раньше меня. Второе: тему я сейчас закрою, если не хочу до самого Косогорья ехать рядом с каменной статуей дознавателя.

— Понятно, — сказала я. — Спасибо.

И, честное слово, у меня хватило выдержки не задать следующий вопрос. Восемь лет переговоров: главный навык — вовремя перестать спрашивать. Ответы, которых не хватает, человек рано или поздно приносит сам. Если, конечно, вы ему не испортили желание принести.

* * *

Косогорье оправдывало название: хутор вращался в склон холма, как будто съезжал с него и передумал на полпути. Позавчерашний шторм здесь действительно погулял — это было видно ещё с дороги: у рощи стояли деревья с выкрученными макушками, по полю тянулась полоса полежного ячменя, а у самого хутора валялся на боку стог, похожий на прилётшего отдохнуть мамонта.

Фермер Пиб встречал нас у ворот. Это был мужчина необъятной ширины и такой же необъятной скорби: лицо его при виде казённой двуколки приняло выражение вселенского траура с точно отмеренной примесью надежды на компенсацию.

— Ваша милость! — загудел он, прижимая шапку к груди. — Сами приехали! А я уж думал, сирота я при своём разорении...

— Господин Пиб, — сказала я, слезая с двуколки и разворачивая папку. — Оценщик палаты. Покажите, пожалуйста, место, где стоял курятник.

— Курятник! — Пиб воздел руки, и в голосе его зазвенела такая мука, что где-то в роще замолчали птицы. — Не курятник — дворец был! Дед строил, отец достраивал! В два этажа! Несушки породные, сорок восемь голов, каждая с гусыню! А по коньку — серебро, ваша милость, чистое серебро кованое, от куриного мора духа, так деды заповедали...

— Угу, — сказала я. — Сорок восемь. А это кто?

По двору, деловито разгребая грязь, бродили куры. Я, конечно, не специалист по сельскому хозяйству — моя специализация начинается там, где сельское хозяйство заявляет убытки, — но на первый взгляд кур было заметно больше сорока восьми, и выглядели они для покойниц подозрительно бодро.

— Это... — Пиб на мгновение сбился с ноты. — Это соседские! Прибились! После шторма — сущее переселение народов, ваша милость, чья скотина где — сам леший не разберёт...

— Прекрасно. Значит, соседи подтвердят. Пимс! — Я обернулась к двуколке, вспомнила, что Пимс остался в городе, и сделала пометку сама: «Опрос соседей: чьи куры». — Ведите к месту, господин Пиб.

Место впечатляло. На краю двора, над обрывчиком, красовалось пепелище... то есть не пепелище — руины. Груда досок, жердей и щепы, живописно раскиданная по склону. Именно раскиданная: я стояла над этим натюрмортом минуты три, и с каждой секундой мне становилось веселее.

— Значит, курятник унесло штормом, — уточнила я.

— Вихрем! Поднял, закружил и обрушил, ироды небесные! — Пиб покосился на Терна и уточнил: — Это я не про палату, ваша милость, это я про стихию.

— Понятно. А скажите, господин Пиб... — я присела на корточки и вытащила из груды доску, — вихрь у вас в Косогорье всегда пилит?

— Чего?

— Пилит. Доски. — Я повернула доску торцом к заявителю. Торцы были ровные, белые, со свежими следами зубьев. — Смотрите, какой аккуратный вихрь: восемь досок из десяти у вас с распилом, причём пила шла с упором, по разметке. А вот гвозди. — Я поворошила щепу. — Гвозди, заметьте, не вырваны с мясом, как бывает, когда постройку рвёт ветром, а вытащены и сложены вон в том ведёрке. Бережливый вихрь. Хозяйственный.

Пиб посмотрел на ведёрко с гвоздями так, будто видел его впервые в жизни и оно его предало.

— А серебро с конька, — продолжала я, поднимаясь, — вихрь, надо полагать, унёс с собой. Целиком. Потому что в претензии оно есть, а в обломках нет ни грамма. Зато вот тут, — я подцепила ногтем длинную жердь с остатками краски, — прекрасная серая краска. Свежая. Под дождём ещё не облезла. Это и был ваш конёк «серебра чистойковки»?

Повисла тишина. Куры — все сорок восемь соседских и ещё десятка три ничьих — безучастно разгребали грязь. Терн стоял чуть поодаль с лицом человека, который смотрит любимую пьесу с хорошего места.

— Ваша милость, — сказал наконец Пиб совсем другим голосом — ниже и человечнее. — А что ж мне было делать-то? Ячмень — вон он, лежит весь. Стог разметало. Крышу на овине задрало. А в претензионном листе что писано? «Ущерб строениям и имуществу, засвидетельствованный». Ячмень мой кто засвидетельствует? Он же лежит, а не строение... Мне писарь в приходе так и сказал: за поле не платят, пиши за постройку. Ну я и... дописал.

Я вздохнула. Вот за это я и не люблю свою профессию, а вовсе не за враньё. Враньё — это скучно. А вот это — когда человек с настоящим убытком вынужден врать, потому что форма не предусматривает его правды, — это уже не про Пиб. Это про форму.

— Значит, так, — сказала я. — Курятник ваш я в акте похороню: разобран владельцем, следы прилагаются, по этой позиции — отказ, и скажите спасибо, что без встречного иска за попытку. А теперь берите шапку, пойдём мерить ячмень. Полёгкое поле — это прямой ущерб от незапланированного шторма, и он у вас настоящий. Оформим по несоответствию: шторм был внеплановый? Внеплановый. Наряда не было? Не было. Значит, палата отвечает за последствия неучтённого вызова. Заодно стог и овин.

Пиб смотрел на меня, приоткрыв рот.

— Так... а разве ж так можно?

— Нельзя, — сказала я. — Пока я не напишу, что можно. На то и оценщик.

* * *

Следующие два часа мы честно мерили: шагами, верёвкой с узлами и Пибовой божбой, которую я принимала к учёту с коэффициентом ноль три. Терн ходил следом, носил за мной верёвку и вёл себя подозрительно смирно. Ячменя полегло больше трёх десятин; овину действительно задрало крышу; стог я оценила по рыночной цене сена — спасибо шести телегам во дворе палаты, прейскурант я успела запомнить.

А потом, когда мы возвращались через двор мимо руин курятника, я увидела то, чего не должна была увидеть. Потому что смотрела уже не как оценщик, а просто под ноги.

Под раскиданными досками, там, где у курятника был пол, темнел ровный прямоугольник. Слишком ровный.

— Господин Пиб, — сказала я, останавливаясь. — А что у вас под курятником?

— Под курятником? — Пиб подошёл, глянул и пожал плечами. — Ничего. Земля.

— Земля, — согласилась я, присела и смахнула ладонью щепу и мусор.

Под щепой был люк. Старый, из потемневшего дуба, с утопленным кольцом, — и с чистыми, свежими царапинами вокруг кольца.

— Терн, — позвала я, не оборачиваясь. Он уже был рядом.

Люк поддался со второго рывка. Вниз уходили ступени — не погребные, кое-как рубленые, а настоящие, тёсанные, старше самого курятника на вид. Терн зажёл фонарь — казённый, масляный, из ящика двуколки — и полез первым, потому что «форма сто восемнадцатая», а я второй, потому что попробовал бы он меня не пустить.

Внизу был подвал. Маленький, сухой, каменный — три шага на четыре. Пустой.

Почти.

Посередине, на каменном постаменте высотой по колено, стоял ящик. Серый, тусклый, с прозеленью по швам — свинец. Размером с хороший дорожный сундук. Крышка была откинута и лежала рядом, на полу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.